

О затруднительности экспертизы при эпилептических психозахъ и связи сновидѣнія съ преступленіемъ.

Л. А. СЕРГѢЕВА.

Эпилептическое помраченіе сознанія. Убійство.

29 ноября 1884 г. крестьянинъ Николай В. зарѣзалъ Д.—рабочаго на поташевареномъ заводѣ, арендуемомъ купцомъ Г. Убійство, какъ выяснило слѣдствіе, произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

28 ноября 1884 г., вечеромъ къ Ѳеодору Н., жившему на заводѣ, пришелъ крестьянинъ Николай В. и спросилъ, продана ли часть земли, принадлежащая Г., которую хотѣлъ купить его дядя Василій. Время было къ ночи, Николай В. просился у него ночевать, что и было разрѣшено. В. легъ спать въ кухнѣ, гдѣ съ нимъ остался работникъ Дмитрій П. Въ кухнѣ, кромѣ ихъ двоихъ никого не было. Ночью Николай В. разбудилъ Ѳедора Н. стукомъ въ дверь и сказалъ, что на дворѣ ходятъ воры. Н. вскочилъ, схватилъ одноствольное ружье и выбѣжалъ съ нимъ на дворъ. Никого не видя тамъ, онъ захотѣлъ поугаждать воровъ и выстрѣлилъ, но произошло осѣчка, и онъ возвратился въ сѣни. Когда подходилъ къ крыльцу своей квартиры, навстрѣчу ему вышла жена его и дала револьверъ, а онъ ей передалъ ружье. Когда она увидела В., и спросила „что ты здѣсь стоишь и не идешь отыскивать воровъ“, онъ ей отвѣтилъ „боюсь что-то“. Войдя въ сѣни, онъ увидалъ Николая В. послѣдній стоялъ въ сѣняхъ противъ двери квартиры, изъ подъ полы его кафтана высовы-

валась „горбуша“—родъ косы. Ѳедоръ Н. схватилъ его одной рукой за грудь, а другой за горбушу и спросилъ, зачѣмъ онъ взялъ горбушу. Онъ ему отвѣтилъ „для обороны“. Н. просилъ отдать ему горбушу, говоря, что онъ напрасно взялъ ее, такъ какъ его никто не обидитъ, но онъ не отдалъ. Въ это время жена Ѳедора Н. начала звать работника Дмитрія изъ кухни, но онъ не отвѣчался. Тогда она бросилась со свѣчкой въ кухню, но выбѣжала оттуда, закричавши еще въ кухнѣ „зарѣзалъ, зарѣзалъ“. Послѣ этого Ѳедоръ сталъ сильнѣе вырывать горбушу и, наконецъ, вырвалъ. Къ горбушѣ вмѣсто черена прикрѣплены были самоварные щипцы. Последнiе были привязаны льняной бичевкой и закрѣплены деревяннымъ клиномъ. Щипцы, какъ оказалось, принадлежали Г., а горбушу принесъ В. затѣмъ онъ связалъ Николая В. и сталъ караулить, не проѣдетъ ли кто мимо, такъ какъ на заводѣ никто не живетъ кромѣ Ѳедора Н. и убитаго Дмитрія. Войдя въ кухню, онъ увидалъ кровь и лежащаго на кровати Дмитрія. Н. послалъ за понятыми, и когда они явились, то онъ ввелъ ихъ въ кухню и тогда уже стало ясно, что Дмитрій убитъ—у него перерѣзана была шея¹⁾.

Когда начали спрашивать В., то онъ сознался въ убійствѣ и рассказалъ, по словамъ однихъ свидѣтелей, что ему приснилось, будто Дмитрій намѣревается его убить, по-

¹⁾ При судебно медицинскомъ осмотрѣ найдено: рубленая, довольно глубокая рана шеи съ поврежденiемъ шейнаго позвонка и мозга. Второю ударъ былъ нанесенъ по правой половинѣ головы тупымъ и тяжелымъ тѣломъ, отъ котораго произошли двѣ недалеко отстоящiя другъ отъ друга за правымъ ухомъ трещины черепной кожи, громадный кровоизлитъ въ мягкихъ покровахъ этой области, трещины костей теменной и височной. Мѣста поврежденiй говорятъ въ пользу того, что удары были нанесены въ то время, когда покойный лежалъ спиной вверхъ, обративъ голову на подушкѣ на правую сторону. Позволительно сдѣлать вѣроятное предположенiе, что покойный во время нанесенiя ему смертельныхъ поврежденiй спалъ и не предчувствовалъ грозящей ему опасности, такъ какъ въ противномъ случаѣ не сталъ бы подставлять свою шею подъ топоръ а сталъ бы обороняться. Слѣдовъ же обороны и самозащиты ничѣмъ нельзя констатировать на трупѣ. Осмотръ самого мѣста, гдѣ совершено было убійство и отсутствiе кровяныхъ слѣдовъ всюду кромѣ кровати и около нея, точно также могутъ подтверждать что покойный былъ убитъ двумя сильными ударами топора на мѣстѣ, гдѣ спалъ.

этому онъ схватилъ топоръ, находившійся въ кухнѣ и „бацкнулъ“ Дмитрія. Затѣмъ взялъ на шесткѣ въ кухнѣ щипцы и сталъ привязывать къ горбушѣ вмѣсто черена.

Другіе свидѣтели показывали, что на ихъ вопросъ, какъ случилось убійство Дмитрія, В. отвѣчалъ:

Дмитрій кинулся на меня, хотѣлъ вытащить деньги изъ кармана, но пошелъ и легъ на кровать, я взялъ топоръ и зарубилъ его. Къ горбушѣ привязалъ щипцы для обороны, такъ какъ, по его словамъ, на него сталъ кидаться Дмитрій послѣ того, какъ онъ его зарубилъ. Про горбушу говорилъ, что принесъ ее на заводъ для обороны отъ звѣрей, такъ какъ часто ходитъ по ночамъ и рано по утру.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, испытуемый при допросѣ у судебного слѣдователя показалъ: вечеромъ 28 ноября я пришелъ на заводъ къ прикащику Ѳедору Н. спросить, нѣтъ ли продажной земли; онъ мнѣ сказалъ, что есть, и назначилъ цѣну. Осенью я приходилъ къ нему съ дядей тоже смотрѣть землю. Затѣмъ я попросился у Н. почевать, онъ мнѣ дозволилъ. Я напился чаю и поужиналъ, а затѣмъ я и Дмитрій легли спать въ кухнѣ, а Н. въ своей квартирѣ, ночью то ли во снѣ, то ли наяву, не помню уже, мнѣ представилось, будто Дмитрій подошелъ ко мнѣ и сталъ просить у меня денегъ. Я ему сказалъ, что у меня ихъ нѣтъ. Онъ сталъ настойчиво требовать, но я ему сказалъ „отойди, а то я тебя засѣку“. Затѣмъ мнѣ чудилось, что онъ отошелъ отъ меня и легъ на кровать, на которой спалъ, а я схватилъ попавшій мнѣ подъ руку топоръ и „тяпнулъ“ имъ Дмитрія,—по какому мѣсту, не помню. Послѣ этого зежегъ я лампу и увидалъ Дмитрія лежащимъ на кровати, внизъ лицомъ, а на шеѣ у него рана. Мнѣ представилось—будто онъ встаетъ. Я испугался и сталъ налаживать попавшіеся мнѣ щипцы къ горбушѣ, думая, что я буду отмахиваться ею, когда за мной погонится Дмитрій. Затѣмъ, окончателенно растерявшись, я выбѣжалъ изъ избы и хотѣлъ бѣжать, но подумавъ, что меня поймають, тѣмъ болѣе, что я услыхалъ, что ѣдутъ какіе-то люди. Мнѣ представилось, будто на дворѣ воры. Тогда было утро, но еще темно было. Я воротился въ сѣни и сталъ стучаться въ дверь къ Н., кричалъ, что на дворѣ воры. Вскорѣ дверь отворилась, и на дворъ выбѣжалъ Н. съ ружьемъ, а я выбѣжалъ за нимъ на крыльцо. Затѣмъ

Н. вернулся, связалъ меня и отнялъ у меня горбушу. Щипцы я привязалъ въ горбушѣ, чтобы удобнѣе взять ее въ руки, такъ какъ она безъ черенка. Горбушу я взялъ, когда пошелъ изъ дому, на всякій случай для обороны.

При послѣдующемъ дознаніи обнаружилось, что В. вообще былъ хорошаго поведенія. Осенью 1884 г. онъ, живя у племянника, жаловался на боль въ сердцѣ. Въ такую минуту бросалъ работу, садился на лавку и теръ руками отъ груди вниз, говоря, что давитъ сердце. Часто говорилъ, что у него кружится голова и теряется свѣтъ, ровно мѣшается умъ. На такое его поведеніе указываетъ и жена его Прасковья.

Въ Казанскую Окружную Лечебницу Н. поступилъ на испытаніе 20 іюня 1886 года.

Испытуемый 23 лѣтъ, православный, русскій, крестьянинъ, женатъ, неграмотный.

Онъ средняго роста, хорошаго тѣлосложенія съ удовлетворительнымъ питаніемъ, кожа частая, упругая. На лѣвомъ предплечіи въ верхней части съ внутренней стороны имѣется пигментированное пятно.

Черепъ безъ особенностей. Зрачки нѣсколько расширены, на свѣтъ реагируютъ. Зубы поставлены рѣдко. Острота зрѣнія и двѣтоощущеніе не измѣнены. Обонятельныя вещества онъ опредѣляетъ правильно, вкусовые же не различаетъ — называя всѣ кислотами. Слухъ и костная проводимость сохранены.

Электротактильная чувствительность почти отсутствуетъ, электроболевая значительно понижена, а на нижнихъ конечностяхъ отсутствуетъ. Электромышечная сократительность значительно ниже нормы.

Рефлексы вообще повышены. Тоны сердца глухи; 2 тонъ начальственной и легочной ортеріи акцентуированъ.

Въ прочихъ органахъ грудной и брюшной полостей измѣненій патологическихъ не отмѣчается.

Съ психической стороны настроеніе В. обычно мрачное, нерѣдко переходило въ угнетающій порывъ тоски и грусти. Находясь въ мрачномъ настроеніи малоразговорчивъ, но трудолюбивъ, постоянно въ дѣлѣ, охотно исполняетъ даваемые ему порученія, привѣтливъ, благодаритъ за оказываемый ему уходъ и довѣріе. Въ періоды тоски отвѣчаетъ кратко, отрывисто, неохотно, по цѣлымъ днямъ ничего не ѣстъ. Въ такихъ состояніяхъ у него наблюдается полная потеря болевой

чувствительности, потеря рефлексовъ, фибриллярныя сокращенія мышцъ въ правой половинѣ языка и аритмія сердца. Онъ падаетъ, гдѣ стоялъ и засыпаетъ. Проснувшись или будучи разбуженъ, онъ не можетъ дать отчета какъ попалъ туда, гдѣ находится. Во время сна ему, какъ говорить, кажется масса яркихъ видѣній, хотя рѣдко могъ передать ихъ содержаніе. Такъ онъ сообщалъ, что видѣлъ во снѣ, что медвѣдь пришибъ ему голову, о чемъ ему передалъ крестьянинъ, онъ чувствовалъ какъ кровь текла у него изъ раны и проснувшись готовъ былъ кричать, чтобъ ему подали помощь. То видѣлъ во снѣ, что онъ попалъ въ яму и тонулъ, и проч. Даже днемъ, когда В. во время приступа тоски ложился, у него „кружилась голова и болѣло сердце“, ему „лѣзла въ голову дичь и все грезилось“.

Какъ припоминаетъ В. изъ рассказовъ другихъ, припадки головокруженія, сопровождаемые тоской и нерѣдко оканчивавшіеся потерей сознанія, появились у него года четыре тому назадъ, были почти ежедневно, хотя и выражались нерѣзко... Въ послѣднее время они появляются гораздо рѣже. „Однажды, говоритъ онъ, когда жилъ еще у себя въ деревнѣ, отправился къ своему дядѣ въ Бирскій у. Около обѣда на меня что-то нашло. Я снялъ все съ себя, сложилъ въ кучу и пошелъ голый. Мужикъ, встрѣтившійся мнѣ, сказалъ, что я голый, и тутъ только я опомнился. Далѣе ему передавали, что разъ, сидя въ избѣ, онъ взялъ скатерть и хотѣлъ накрывать на столъ; накрывши тотчасъ же началъ все убирать со стола. Какъ онъ это дѣлалъ и зачѣмъ—ничего не помнитъ. Со словъ другихъ онъ рассказываетъ, что другой разъ онъ ѣхалъ на пароходѣ и сидѣлъ на лавкѣ, потомъ вдругъ закричалъ „грабятъ, грабятъ“, побѣжалъ къ корму и хотѣлъ броситься въ воду, но былъ удержанъ матросами, которые его уложили, послѣ чего онъ заснулъ, а проснувшись ничего о случившемся не помнитъ.“

Отправляясь этапнымъ порядкомъ въ Казань для поступленія въ Казанскую Окружную Лечебницу, онъ ушелъ отъ конвоя съ этапнаго двора. Долго гдѣ-то бродилъ, ночь провелъ въ лѣсу, гдѣ заснулъ и продрогъ. Проснувшись только пришелъ въ себя, а какъ ушелъ, припомнить не могъ. Вышелъ, наконецъ, на дорогу и встрѣтился въ полѣ съ пастухами, съ которыми онъ развелъ огонь, обогрѣлся и, отпра-

вившись по указанной дорогѣ, просилъ встрѣтившагося ему крестьянина отвести его къ конвойнымъ, на что тотъ не согласился изъ опасенія, что конвойные его могутъ убить, а отвелъ его къ становому, который его отправилъ въ какой-то городъ.

Относительно совершеннаго преступленія передавалъ то же, что и раньше.

Въ свободные отъ припадковъ промежутки никакихъ ненормальностей за испытуемымъ не наблюдалось.

Въ разсматриваемомъ случаѣ показанія свидѣтелей о бывшихъ у испытуемаго припадочныхъ состояніяхъ, наличность припадковъ во время пребыванія въ лечебницѣ съ потерей болевой чувствительности, рефлексовъ и аритміей сердца, кончавшихся сномъ съ послѣдующей амнезіей, живыя сновидѣнія, отсутствіе мотива къ совершенію убійства, время и способъ исполненія его, поведеніе испытуемаго послѣ совершенія убійства,—все это говоритъ за наличность эпилепсии у испытуемаго и за то, что преступленіе совершено въ состояніи эпилептического умопомраченія подъ вліяніемъ предшествующаго сновидѣнія, чѣмъ это наблюденіе и интересно.

Интересно оно также и потому, что, какъ видно изъ слѣдственного дѣла, Врачебное Отдѣленіе послѣ тщательнаго освидѣтельствованія (?) въ особомъ присутствіи дало дважды категорическій отвѣтъ, что В. физически и умственно здоровъ и преступленіе совершилъ въ здоровомъ умѣ.

Это наблюденіе какъ нельзя болѣе указывать, насколько затруднительна экспертиза при эпилептическихъ психозахъ и какъ осторожно къ ней нужно относиться.

